

БОЖУРА
Йордан Йовков

Перевод Софьи Бочаровой

Калуда, цыганка, продавала разные мелочи, которые скорее служили ей прикрытием, чтобы просить милостыню: белая и красная глина, сухой кизил, веретёна. Всё это продавалось с трудом, женщины торговались, платили мало, а некоторые и вовсе ничего не покупали. Но старая цыганка заметила, что дела шли получше, если она приводила свою дочь Божуру.

Когда Божура была маленькой, в холодную погоду она тряслась всем телом, так, как ее научила мама, и женщин, казалось, это трогало. На самом деле, за сожалением скрывалось их удивление тем, что такой красивый ребенок мог родиться у какой-то цыганки. Но теперь Божура стала девушкой. Большие черные глаза мёрзнувшего маленького цыганёнка из прошлого смотрели дерзко, дьявольски, её фигура стала точеной, гибкой, девушка расцвела, как цветок дикого шиповника. И только ради неё, ради её смеха и красоты, которая завладевала всеми как по волшебству, женщины, такие скупые в любой другой момент, покупали дешёвые товары Калуды и щедро ей платили. Они давали даже и побольше, управляемые каким-то неясным чувством, и не желая признавать, что чувством этим была зависть.

От всего этого выигрывала Калуда. Наконец она нашла ключик к своей торговле и хотела, чтобы Божура всегда её сопровождала. Но она не могла приказывать Божуре. Сказать ей что-то значило заставить её повернуться к матери спиной и сделать так, как хотелось ей. Особенно весной. «Марта внутрь, а мы прочь», - говорили в те времена старые цыгане, пригревшись на солнце. А Божура будто сходила с ума: её глаза светились, стан не чувствовал тяжести одежд, - жизнерадостная, как фруктовые деревья, опьяневшая от солнца, как пчёлы, которые жужжали вокруг цветов яблонь. Она бегала по соседским домам, смешила стариков, играла с детьми, рождала вздохи и горящие взгляды молодых цыган.

Не помогали ни мольбы, ни угрозы Калуды. Разгорались ссоры, какие можно услышать только в цыганском доме. И если в конце концов мать могла её уговорить, то чаще всего только потому, что она обещала сходить с ней к хаджи Вылко.

Божура любила ходить в этот дом. Когда она была маленькой, то хваталась за материно платье, входя в широкий двор, огражденный высокими каменными стенами, её глаза увеличивались, она дивилась старым самшитам, винограду, базилику, проросшему

между каменных плит. А если в какой-нибудь праздник случалось, что всю домашнюю мебель выносили на улицу, то яркие краски ковров и паласов, мишуры и атласа дорогих нарядов, — всё это богатство изумляло её. И тем не менее, сильнее всего её поражали пурпурные ветви розовой ивы, этого чудного дерева, которое росло только во дворе у Хаджи Вылко.

Сейчас Божура входила во двор хаджи Вылко веселой и спокойной и не смотрела ни на самшиты, ни на розовую иву. Она шла туда ради Ганаилы, дочери хаджи Вылко. И если осознание собственной красоты заставляло Божуру смотреть на всех остальных женщин с презрением и свысока, то при Ганаиле ей казалось, что она идет рядом с равной себе. Её удивляло, как Ганаиле удавалось не гордиться собственной красотой, та будто совсем её не замечала. Она работала, а выглядела вялой и ленивой. И, не заботясь о себе, она хорошела с каждым днем, а фигура её зрела и наливалась, словно плод.

Нельзя было сказать, что Божура её любила. Божура не любила никого и ни к кому не могла привязаться. Но в Ганаиле она видела все то, чего не было в ней самой, но что ей хотелось иметь: ей нравилась белая, как молоко, кожа Ганаилы, её русые косы, удивляла та чистая благоуханная плоть, которая скрывалась в мягких складках шелка. И если бы все это было чем-то, что можно было украсть, Божура сделала бы это, не задумываясь.

Иногда она вглядывалась в Ганаилу. Она пристально и лукаво, но в то же время восторженно и увлеченно её рассматривала, как дикарь смотрит на свой идол. Глаза её горели, она молчала. Потом, осторожно, словно боясь причинить ей боль, Божура гладила своими жесткими пальцами её белую, оголённую до локтя руку и шептала:

-Какая ты... белая-белая... какая красивая...

Ганаила смеялась.

А Божура была цыганкой, и эта вспышка искренней нежности не могла угаснуть зря: она выпрашивала какой-нибудь стеклянный браслет, изношенную одежду. Она становилась всё смелее, и уже сама срывала самую красивую гвоздику и, украшенная цветком, смотрелась в оконное стекло вместе с Ганаилой.

В это время жена хаджи Вылко уговаривалась с Калудой. И, всё ещё держа в руке совок, в котором она принесла муку, старая женщина поглядывала на двух молодых девушек своим кротким, но глубоким взглядом и улыбалась. На улице был и хаджи Вылко, высокий, поседевший, важный, как царь. Он следил за плотниками, копавшими в саду и закладывавшими красные трубы, — хаджи Вылко делал во дворе трубопровод, единственное, чего не хватало для его славы. И он видел, что происходило у окна. Кроме Ганаилы, у него не было ни сына, ни дочери, поэтому он позволял ей делать всё, что хотелось, но в то же время он внимательно следил за руками обеих цыганок.

Одного не могла понять Божура. Ганаила была прекрасна, но почему столько времени она отвергала всех, кто приходил и пытался ухаживать за ней? Кого ждала Ганаила, на кого надеялась?

Божура ходила по всему селу, знала все сплетни, всю болтовню, знала, что говорят о Ганаиле, за кого её сватают. Она собирала эти тайны, радовалась им, будто те относились и к ней. И когда в один день она приходила и рассказывала всё Ганаиле, ей казалось, что её ограбили. Божура замолкала и ждала, что скажет Ганаила. Но дочь хаджи Былко оставалась такой же вялой и равнодушной, какой была всегда. Тогда глаза цыганки вспыхивали страшным отвращением. Даже одна тысячная частица того, что она только что рассказала Ганаиле, осчастливила бы её. Но у этой белой куклы в груди был будто камень, а не сердце!

Однажды, ближе к вечеру, Божура и её мать возвращались с горы. От другого края села, со стороны домов, по пути, шедшему от холма и пересекавшему зеленую поляну под сосновым бором, показались двое всадников. Над ними возникло белое облачко дыма, послышался грохот. Всадники будто приближались к селу, ещё два белых облачка появились над ними, и грохот повторился ещё дважды у отвесных скал неподалёку от Старча. По старому обычаю шумом путники предупреждали, что они подходят.

Только подумав, мать и дочь сразу же об этом забыли, устав от пути и тяжелой земли, которой они были нагружены. Когда они вошли в село, уже стемнело, и первым, что они заметили, было то, что ко всем воротам высыпали женщины. Калуда шла спереди, не обращая внимания на женщин и, поглядывая направо и налево, смотрела, нет ли где чего-нибудь забытого, что можно было бы умыкнуть под передник. Позади неё шла Божура. Груз совсем её не сгибал, её фигура оставалась такой же прямой и гибкой, как столбик в бурю. Было уже темно, но её глаза время от времени поблескивали. Целая орава детворы бежала рядом с ней и кричала:

-Божуро! Божуро! Дай нам пион¹, Божуро!

-Эй, вы, идите отсюда! – кричала она весело и не сердясь. – Где мне взять пион...

И, оставив детей кричать, сколько им хочется, она останавливалась в темноте и слушала, что говорят женщины. В одном месте она услышала, что те повторяют одно и то же имя: Василчо. В другом снова говорили об этом Василчо, перечисляли его родных, его богатства. В третьем вспоминали и имя Ганаилы. Божура прислушалась.

– Не бывать этому, нет! – говорила одна, и Божура узнала Жечевицу, ту, которая всегда носила на своем переднике большую герань и многое знала. – Не бывать этому,

¹ «Пион» в переводе на болгарский – *божур*.

запомните мои слова. Чтобы не кто-то там, а хаджи Вылко отдал свою дочь за этого пьяницу Василчо!

Любопытство Божуры росло. Проходя от одной кучки женщин к другой, скрытых в темноте под крышами, она неожиданно оказалась у трактира Бончо. Яркий желтый свет лился из окон и двери и делил темноту надвое. Двое всадников стояли там и то исчезали во мраке, то снова выходили на свет. Божура притаилась у стены. Кто из них Василчо? Вряд ли это был тот немолодой человек, которого она сейчас видела. Но вот в мраке показался конь, по брусчатке зазвенели подковы, и свет упал на второго всадника. Конь его был черный, разъяренный и блестящий от пота, тяжелая грива растрепалась, а сам всадник был молодым, статным, с русым чубом под сдвинутой на бок шапкой, полы кафтана развевались сзади. Вот это был Василчо. Он поднял большую чашу, выпил, а то, что осталось, вылил на гриву коню. Божура услышала, как бьётся её сердце, прижатое к каменной стене. То в темноте, то на свету опять разыгрались кони, потом завернули и пустились вверх по улице. Под их копытами заблестели искры.

Божура смотрела им вслед, прислонившись к стене. Вот кого ждала Ганаила, подумала она, и ненависть к дочери хаджи Вылко вспыхнула в ней со всей силы. Но в тот же час она вспомнила слова Жечевицы – хаджи Вылко не выдаст свою дочь за этого пьяницу Василчо. Это её обрадовало, она оторвалась от стены и направилась к дому. Ей хотелось петь, хотелось бежать. Крупные звёзды трепетали над чёрными крышами и словно улыбались ей. Сзади неё шумели сосны. Она слышала их и раньше. Но сейчас это были как будто бодрые мужские голоса, которые пели...